

Что происходит на Украине и какое будущее ее ждет?

Четвертое заседание Интеллектуального клуба
«Свободная Мысль»

Журнал «Свободная Мысль» и Институт проблем глобализации провели четвертое заседание Интеллектуального клуба «Свободная Мысль».

Стремительная эскалация кризиса на Украине, завершившаяся переворотом при прямом руководстве Запада и, по сути, распадом государственности, привела к переходу реальной власти в руки радикальных националистов (даже умеренное крыло которых закрывает русскоязычные страницы официальных сайтов в Интернете), бандитов и финансирующих их олигархов. США и Евросоюз показательно спешно поддержали антироссийскую политику своих ставленников. Прежняя, робкая и непоследовательная, защита Россией своих соотечественников вызвала введение против нее санкций и создала угрозу вооруженных столкновений. Развернутая информационная война против нашей страны приобрела беспрецедентный характер и, по сути, переросла в новую «холодную войну».

В то же время разрушение украинской экономики и высасывание ее остатков глобальным бизнесом делают неизбежным глубочайший социально-экономический кризис, сохранить власть в котором без войны немыслимо ни для какого правительства, не ориентирующегося на реальные нужды народа (то есть на теснейшую интеграцию с Россией).

Общая историческая судьба России и Украины требует в этих условиях особого внимания к процессам, происходящим в украинском обществе и вокруг него.

Участники

Михаил Делягин — директор Института проблем глобализации, главный редактор журнала «Свободная Мысль», ведущий заседания Интеллектуального клуба, доктор экономических наук;

Петр Александров-Деркаченко — член Совета Российского Исторического Общества, официальный представитель Русского Исторического Общества Заграницей в России;

Юрий Болдырев — писатель, публицист, бывший заместитель председателя Счетной палаты РФ;

Константин Затулин — директор Института стран СНГ;

Федор Лукьянов — председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

Семен Уралов — шеф-редактор издания «Однако. Евразия»;

Михаил Хазин — президент компании экспертного консультирования «Неокон».

Ключевые слова: Украина, Россия, Крым, Европейский Союз, США, революция, failed state, политическая нестабильность, эгоизм элит, экономический кризис, украинский национализм.

Михаил Хазин. По моему глубокому убеждению, одним из главных факторов, механизмов, игроков, которые качественно ускорили этот кризис, в данной ситуации выступил Китай, с которым Янукович подписал соглашение в Пекине аккурат в первые дни Майдана.

Абсолютно очевидно, что агрессивная реакция Соединенных Штатов Америки наступила ровно в тот момент, когда стало понятно, что если ничего не делать, то Китай начнет строить в Крыму глубоководный порт, который станет точкой приема его грузов, крайней западной точкой нового «шелкового пути». А конечным пунктом назначения соответствующих товарных потоков станет Евросоюз. И ни в одной точке этого маршрута никакого контроля со стороны Соединенных Штатов Америки за транспортировкой груза не будет. Это первое. И еще: я думаю, что те, кто выпускал бандеровского джинна из бутылки, не понимали, насколько сложно будет запихнуть его обратно. А точнее сказать, что запихнуть обратно его вообще не удастся (что мы, собственно, и видим — обратно он не запихивается).

Если мы посмотрим на сегодняшнюю ситуацию, то она выглядит следующим образом: те люди, которые сегодня являются властью в Киеве, во-первых, нелегитимны, во-вторых, не могут (в том числе из-за своей нелегитимности) получить деньги, чтобы решить имеющиеся у них многочисленные проблемы. И наконец, третье — они не знают и не понимают, что делать с теми боевиками, которых они частично взрастили самостоятельно, а частично этих боевиков под их крылом взрастили различные внешние силы. И никакого хорошего выхода из этой ситуации не существует — по вполне объективным причинам.

При этом для боевиков ситуация тоже, в общем, безрадостная: они прекрасно понимают, что смогут сохранить свои жизни только в том случае, если будут властью. Если они властью не будут, их просто всех перебьют — поскольку любая власть людей такого рода не терпит. Сами же они даже теоретически могут быть властью только в Галичине, и поэтому их бы устроила федерализация или даже отделение Западной Украины в отдельное государственное образование. Это единственный их шанс выжить. Однако тех, кто сидит в Киеве, такое решение категорически не устраивает, потому что без концепции единой и неделимой Украины они ничего сделать не могут.

Если мы посмотрим на проблему Крыма, то увидим, что Евросоюз вообще ничего не хочет делать в этом отношении: судьба полуострова его, по большому счету, вообще не волнует — и уж точно она не является причиной или поводом для того, чтобы ссориться с Россией. В Соединенных Штатах же есть «ястребы», которые хотели бы устроить «войнушку» на территории Центральной Европы (а Россия тут вообще ни при чем, она в данном случае служит исключительно поводом), — и есть Обама, который этого не хочет. Пока неясно, чем это все закончится. Я склонен считать, что рано или поздно Обама как (воистину!) выдающийся политический манипулятор спустит весь этот кризис на тормозах.

Все было бы довольно просто, если бы не проблемы в Киеве. Люди, которые там сейчас сидят, никак не могут легитимировать свой статус. Они не могут даже провести президентские выборы — это невозможно ни тех-

нически, ни с точки зрения здравого смысла, потому что кандидатов от Галичины не будут воспринимать на Востоке и наоборот. Если провести голосование, то во второй круг попадают два кандидата, из которых один не может даже поехать на Запад, а другой точно так же не может поехать на Восток. Как с этим работать, науке неизвестно, так как федерализацию сидящие сейчас в Киеве люди не могут допустить, поскольку тогда они станут никому не нужны. В результате они решили выйти из тупика, в котором находятся, самым простым, известным во все времена способом: объединить всех боевиков в некую единую силу, назвав ее Национальной гвардией, и куда-нибудь подальше ее бросить. Куда именно — понятно: на Россию.

Что касается свободы и демократии, то аналогии с Косово, разные проблемы с референдумами в Шотландии и Испании и наконец то, что крымский референдум закончился с подавляющей поддержкой идеи о присоединении к России, — все это ставит тех, кто его очень сильно критикует, в совершенно дурацкое положение. В самом деле: народ имеет право высказывать свое мнение? — Имеет. Он его высказал? — Высказал. Однозначно? — Абсолютно.

Конечно, можно спорить: мол, конституционные власти в Киеве, с ними надо было договариваться, — но в ответ на это предъявляются выступления Яроша и других персонажей: «С кем договариваться, вот с этими? А они кто вообще такие?» И вот это, собственно, главный вопрос сегодняшней Украины: а кто все эти люди, находящиеся при власти в Киеве? Даже у Верховной Рады, которая теоретически легитимна, с этой легитимностью есть серьезные проблемы. В частности, по всей видимости, имеются члены этой самой Верховной Рады, которые могут строго доказать, что в те самые минуты, когда они официально голосовали за некоторые законопроекты, они физически находились не то что вне Рады, но даже вне Киева. Это общеизвестно. Кроме того, вероятно, у многих есть весьма обоснованные аргументы, подтверждающие, что они голосовали не добровольно, а под серьезным давлением. Таким образом, даже легитимность Верховной Рады находится как минимум под большим вопросом. У всех остальных институтов киевской власти с легитимностью вообще катастрофа.

Самое же главное — в полном отсутствии концепта, позволяющего объединить страну, потому что никаких объединительных задач люди, сидящие в настоящее время в Киеве, никому предложить не могут. Когда же они начинают Востоку и Югу Украины предлагать в качестве базы для объединения бандеровские принципы, это вызывает, мягко говоря, раздражение. Чем все закончится — неясно, так как еще не понятно, насколько сильно будет давление на Юг и Восток. У меня нет ощущения, что нынешняя команда сможет более или менее прочно взять власть в свои руки, — прежде всего потому, что у них вообще нет финансовых ресурсов.

Кстати, не забудьте, что на Украине сейчас начинается посевная — и кто ее будет финансировать, и как это вообще будет происходить в нынешних замечательных условиях, неясно. Неясно и другое: кто будет платить пенсии? кто будет отвечать за государственную инфраструктуру, которая тоже требует денег? Начинать войну в сегодняшнем состоянии Украина не может вообще ни с кем. Теоретически, если из Яроша и его

банды сделать национальную гвардию, если ее годик тренировать в качестве разведывательно-террористической структуры, запустить ее частично на Северный Кавказ, частично — еще куда-нибудь и начать наращивать агрессию — тогда да, можно для России и, кстати, для Западной Европы (прежде всего той же Польши) устроить массу пакостей. Но для этого нужно этот год иметь, — да и кто и как это будет делать, не знаю. В общем, конструктива я не вижу.

С точки зрения самого Яроша и компании, им нужно отползать на федерализационные схемы, но им пока этого делать не дают. Я склонен считать, что, после того как Яценюк вернется из Вашингтона, они какой-то план предложат, но я пока его не вижу. В любом случае мне кажется, что с Крымом вопрос уже решен, — и более того, все участники глобальной политики уже пришли к выводу, что этот вопрос решен. Это отрезанный от Украины ломоть, и единственная стоящая перед всеми нами задача состоит в том, чтобы не допустить там терактов во время отпускного сезона. Ну и в других местах России — и кстати, не только России; мы все время забываем, что в Евросоюзе есть где-то 10—15 тысяч человек, которые прошли через «горячие точки» во всем мире и при этом являются гражданами стран Евросоюза. Он пытается их выловить — но это сложно, потому что формальных оснований для этого нет. А этим людям скучно, и они хотят побужить. Думаю, они начнут постепенно собираться на Украине, если это гнездо не раздавить.

Россия и Германия давно бы уже договорились — но тут, конечно, вмешивается Вашингтон, которого буза в центре Европы вполне устраивает. Что у них получится — не знаю, поэтому не стал бы драматизировать ситуацию, хотя она безусловно очень тревожная. Главная опасность всего изложенного заключается в возможности использования сложившейся ситуации международными финансистами, для того чтобы развязать крупный мировой кризис. Их главная задача — списать безнадежные долги в глобальном масштабе, и для этого им нужен серьезный повод. Мы не должны позволить им сделать себя поводом для такого крупного кризиса — это главная задача, которая перед нами стоит.

По поводу санкций и всего остального, как говаривал Станиславский — «не верю!» Ну что они будут делать: бить свою же «пятую колонну» своими руками на нашей территории? Флаг им в таком случае в руки, я «за» обеими руками.

Федор Лукьянов. Не могу похвастаться тем, что являюсь специалистом по Украине, поэтому не берусь оценивать в деталях, что там дальше будет происходить, а попробую дать обобщение, чтобы можно было понять значимость этого кризиса, которая, на мой взгляд, весьма высока.

Присоединяюсь к словам Михаила Леонидовича о том, что драматизировать не надо: мне кажется, что мы сейчас впали в излишнюю экзальтацию по поводу происходящего. Однако надо отдавать себе отчет, что это довольно существенное международное событие — на мой взгляд, самый крупный и содержательный международный кризис за последние 25 лет.

Не могу судить о правомерности популярных гипотез о неких далеко идущих планах, которые кто-то строил в отношении развития событий

на Украине. Мне кажется, вся практика, весь опыт взаимодействия любых внешних сил с украинским государством показал, что в отношении этого взаимодействия планы строить бесполезно, потому что это очень специфический международный субъект, который живет по своим внутренним принципам и правилам, — скорее даже понятиям. И попытка встраивать его в действующую систему международных отношений всегда наталкивалась на массу неожиданных препятствий — например тотальное невыполнение заключаемых договоренностей.

То, что катализатором кризисных событий на Украине послужил 400-страничный и никому не понятный юридический документ под названием «Договор об ассоциации с Европейским Союзом», — это в какой-то степени случайность, потому что, не будь этого повода, появился бы какой-нибудь другой. Однако отчасти понятно, почему именно эта тема оказалась такой взрывоопасной. Ведь два с лишним десятилетия развития Украина демонстрировала только одно — что она самодостаточный политический субъект «в себе», в котором движение намного важнее, чем любая цель.

Куда движется Украина, каков смысл и задачи ее развития, каковы принципы и перспективы, к чему стремятся ее действующие лица — в какой-то момент стало непонятно. Все стало ликвидным, неустойчивым и текучим. Появилась перспектива, как говорили на Украине, «интеграции в Евросоюз» — хотя про

Слагаемых у майданного движения было несколько, и прежде всего — широкие массы так называемых рассерженных горожан: тут объединились и разоренные налоговиками мелкие предприниматели, и «заробитчане», и раздраженные отменой подписания соглашения об ассоциации с ЕС студенты, мечтавшие о европейских вузах.

интеграцию, конечно, никто всерьез не говорил: речь шла исключительно о подписании довольно специфического договора, который накладывал на Украину довольно много и довольно серьезных обязательств, но не давал ей практически никаких прав. Тем не менее именно в официальной трактовке, именно в официальной украинской пропаганде, которую активно продвигала правящая на тот момент партия и, как мы сейчас говорим, легитимный президент Янукович, это соглашение было представлено как некий «европейский выбор Украины», который наконец дал вроде бы некую перспективу для населения, общества, Украины как государства.

Еще осенью прошлого года никто не вникал в то, что стояло за этой перспективой и каким было конкретное содержание активно пропагандируемого и навязываемого обществу соглашения с Евросоюзом. И вдруг, в силу

разных событий — в том числе и начавшейся борьбы между Россией и Европейским Союзом, эта перспектива внезапно исчезла. Причем исчезла она в особо циничной форме: до какого-то дня вся украинская пропагандистская машина работала на то, что европейский выбор — это будущее страны, как вдруг внезапно был совершен поворот на 180 градусов, и выяснилось, что этого обещанного народу будущего просто нет. И у страны возник закономерный вопрос: а какое будущее тогда есть? Затем последовала цепь событий — частью внутренне мотивированных, частью внешне стимулированных, — которые привели к фактическому обрушению всей политической модели Украины.

Как мне кажется, если говорить о роли внешних сил, то и Россия, и Европейский Союз в какой-то степени переоценили прочность этого государства, потому что и мы, и европейцы (или западники в целом) применяли к Украине привычные, стандартные принципы и рецепты. С Запада события на Украине виделись как очередная версия «бархатной» или «цветной» революции, когда народ, которому обрыдла неэффективная коррумпированная власть, поднялся против нее, — и вопрос заключается только в том, чтобы его поддержать. И тогда после его победы все само собой станет хорошо. Мы же, со своей стороны, полагали, что достаточно просто не повторять ошибок 2004 года, в нужный момент правильно применить власть, восстановить порядок, и все пойдет, как раньше. Когда эти два подхода с двух сторон попытались одновременно применить к украинской государственности, объект их применения треснул, — и все пошло так, как пошло.

Что происходило конкретно, что именно и каким образом привело к бойне 18—20 февраля и прочему, — это, я думаю, предмет отдельного разговора и, может быть, долгих расследований, которые, надеюсь, когда-нибудь будут проведены. Но, как бы то ни было, получилось то, что получилось, то есть рассыпание той политической конструкции, которая была. И уже на это рассыпание начали наслаиваться достаточно хаотические действия внешних субъектов, которые вначале пытались понять, что происходит и что следует делать, а потом, исходя из своего понимания, стали пытаться разобратся с этим кризисом.

Почему мне кажется, что это самый крупный международный кризис за последние 25 лет? Дело, конечно, не в Украине. Она, опять же, просто подвернулась: могло быть что-то другое. Глубокая, фундаментальная причина кризиса заключается в том, что с конца 1980-х годов в отношениях между крупными международными игроками накапливался некий объем недомолвок, которые до поры до времени можно было маскировать дипломатией. Однако в какой-то момент их объем стал таким большим, что скрывать их стало уже невозможно. Это специфика «холодной войны». К счастью, она не превратилась в настоящую, но зато при этом и не закончилась, как настоящая: она не закончилась неким мирным конгрессом или тем, чем завершались прежние крупные военные конфликты начиная с XVII века.

«Холодная война» породила странную ситуацию, когда, с одной стороны, все вроде бы знали, кто победил и кто проиграл, но при этом никто этого в открытую не говорил. И правил поведения, пусть даже и навязанных победителем (как всегда бывало после крупных конфликтов, которые заканчи-

вались установлением этим победителем некоего мирового порядка на какой-то период), писанных или хотя бы неписанных, не сформулировали. Все участники глобальной политики «по умолчанию» исходили из неявного понимания того, кто победил, и признания если и не формального права, то, во всяком случае, реальной возможности, победившей стороны вести себя так, как считает нужным, — в предположении, что все остальные должны подчиняться.

Но это нигде не было зафиксировано, потому что формально никто никому никакой капитуляции не подписывал. И в результате получилось, что мировая институциональная структура осталась такой же, какой была с середины XX века, по итогам Второй мировой войны, — а ее содержание изменилось. На первом этапе (после 1989—1991 годов), когда Россия находилась в том состоянии, в каком находилась, и вообще был некий импульс демократических событий 1980-х — начала 1990-х годов, это вроде бы ничему не мешало: победившая сторона имела возможность даже без писанных правил поступать как считает нужным. Но возникшая ситуация глобального дисбаланса постепенно начала работать против победившей стороны.

Как уже давно (и, на мой взгляд, точно) написал один из американских комментаторов, однополярного мира, о котором так много говорили, никогда не было, потому что даже тогда, когда не было физической противостоящей силы в виде другой державы (Советского Союза или кого-нибудь еще), такой силой было сопротивление международной системы в целом. То есть глобальный и совокупный антиамериканизм, который стал возрастать по мере роста давления со стороны мирового доминирующего игрока, привел к тому, что этот игрок почувствовал: для его всевластия вроде бы и все есть, но сделать он может все меньше и меньше.

В результате начался подъем и России, и Китая, и вакуум начал заполняться, — но к новому балансу сил это не привело. Того уникального баланса, который был в период «холодной войны», не возникло (и он, наверное, больше никогда и не возникнет), а какой-то системы, которая бы регулировала отношения между разновесомыми, но равно важными странами, что-то по типу мировой европейской политической системы XIX века, очень тонко настроенной, так и не появилось. И это привело к целому ряду кризисов; и украинский — не первый и не последний. Просто здесь, в силу того, что находится в центре событий, Россия воспринимает его как безусловно последнюю черту, от которой ни за что нельзя отступать.

Поэтому, на мой взгляд, сейчас идет борьба, конечно, не за то, кто влияет на формирование того или иного правительства в Киеве — это вопрос уже глубоко периферийный. Самое главное, на что направлена сейчас борьба, — это выяснение того, можем ли мы фактически все-таки рассчитывать на установление такого глобального баланса сил, который заставит участников мировой политики вести серьезный разговор (а не привычно лицемерный — мол, мы все дружим, поэтому нам не о чем спорить) о новых правилах мироустройства. Или же это вообще невозможно без большого конфликта — в истории подобного прецедента не было, все международные отношения устанавливались по результатам больших войн, и устанавливали их победители до того момента, пока не появлялся тот, кто мог эту систему опрокинуть.

Я, в отличие от Михаила Леонидовича, не думаю, что есть риск какой-либо войны, большой или даже малой, потому что все-таки отличие сегодняшней ситуации от аналогичной в XIX веке заключается в том, что у тех, кто мог бы эту войну повести, есть ядерное оружие, и средством сдерживания оно как было, так и остается. Этот риск никто брать на себя, слава Богу, не готов. И последняя форма установления международной иерархии — в результате большой войны — судя по всему, исключается. Все остальные виды противостояния, безусловно, сейчас будут задействованы.

Я не думаю, что Европа, как сказал Михаил Хазин, настолько индифферентна, и ей ничего не надо, лишь бы сохранить бизнес-отношения с Россией. Думаю, все сложнее. Разумеется, имеются те, прежде всего крупные, экономические субъекты, которые всеми силами шлют сигналы своим правительствам: мол, давайте разбирайтесь без санкций, потому что у нас там коммерческие интересы. Но не надо, как мне кажется, рассчитывать, что это универсальное средство, так как есть некая черта психологического напряжения, когда подобные соображения просто перестают принимать во внимание и переходят в режим реальной конфронтации, сопровождающийся перестройкой всех общественных структур, в том числе экономической перестройкой. Думаю, шанс, что мы до этого можем дойти, не очень велик: Россия — не Советский Союз, Россия является частью мировой экономики и по многим направлениям от нее зависит. Здесь, если до этого дойдет, будет серьезный обмен уколами и щипками, вплоть до очень сильных.

Мне кажется, что конфронтационный всплеск последних дней — это психологическое давление с целью попытаться убедить Россию, что шаг с Крымом ей делать не надо, потому что Запад считает его необратимым и не понимает, что делать после него. Запад не признает присоединение Крыма к России — мы, естественно, не признаем обратного, и дальше возникает полный тупик. Обама, в частности, очень не хочется выглядеть в очередной раз «умиротворителем злобного Путина», в чем его настойчиво обвиняют все республиканцы. Но слова Керри о том, что исчерпываются дипломатические решения, — это, конечно, на редкость глупое заявление, потому что в классическом понимании, когда исчерпывается дипломатия, начинается война, и многие, кстати говоря, его так и поняли, хотя он этого не имел в виду.

Думаю, Россия сделает свой шаг в отношении Крыма: сомнений в этом в общем-то мало. Затем последует некоторый период осмысления с введением серии санкций. А вот потом либо мы все-таки увидим некоторое остывание и начало циничных и рациональных расчетов, либо, когда будут закусены удила, во второй половине этого года мы сможем увидеть любопытное противостояние — хотя и не военное, но по всем другим направлениям.

Константин Затулин. Я очень буквально понял приглашение Михаила Делягина — в нем сказано, «что происходит на Украине и что ждет ее в будущем». Но кажется, всех нас больше интересует, что в связи с происходящим на Украине ждет в будущем Россию, каково будущее российско-украинских отношений и международных отношений вообще.

Мне сложно конкурировать с Федором Лукьяновым, который рассуждал о большой геополитике, но я должен заметить, что разговор о геополитике в создавшейся сейчас атмосфере как-то успокаивает, как ни странно. Вчера я ради чистого эксперимента впервые в жизни принял приглашение канала «Дождь» и два часа присутствовал на очень странном мероприятии, которое называлось «телемост». В ходе него все участники в основном пытались не дать сказать мне ни слова и адресовались друг к другу: то есть украинская сторона задавала вопросы тем, кто в российской аудитории им был интересен, и наоборот, и в это нельзя было толком включиться, кроме как прерывая выступающих. Но в начале Максима Шевченко спросили, что же происходит с Крымом, и он стал рассуждать о том, что на самом деле Россия переориентируется на Китай и делает большой выбор в пользу азиатской цивилизации. Я не настолько глубок в этих вопросах: мне кажется, представляет большой интерес, что же действительно происходит на Украине.

О том, почему это происходит на Украине, мне кажется, мы все примерно догадываемся, но прежде всего — эта страна платит по счетам, которые формировались в течение 20 лет и называются «опыт первой в истории украинской государственности». Сколько бы мой «добрый друг» Виктор Андреевич Ющенко, в бытность свою президентом, ни рассказывал, что он насчитал пять попыток создания государственности Украины, я лично, как выпускник исторического факультета МГУ, понимаю, что это первый опыт в истории — со всеми вытекающими из этого проблемами и последствиями. Одно из главных последствий, о чем я буду говорить, — это, конечно, недостаточная глубина и компетентность той политической и экономической элиты, которая за эти 20 лет утвердилась на Украине. Причем как той ее части, которая относится к Западу, так и той, которая относится к Востоку.

В самом деле, если сейчас на время отложить в сторону происки внешних сил, которые, безусловно, ведут борьбу за влияние и позиционирование Украины, то Украина гораздо более, чем Российская Федерация и чем кто бы то ни было еще, мотивирована к тому, чтобы существовать как многонациональное федеративное государство. И, однако же, на всех этапах украинской истории и до сих пор власть Украины всеми силами препятствовала и препятствует самому разговору о федерализации, считая, что это на самом деле — хитрый замысел, с помощью которого недруги, прежде всего Россия, намерены развалить Украину. Считая таким образом, она внесла свою лепту в фактический развал Украины, который мы сейчас наблюдаем.

Если говорить конкретнее, то сегодняшний день Украины состоит в том, что в городе Киеве власть принадлежит тем, кто пришел к ней в результате переворота с нарушением всех процедур. Эти люди опираются и опирались в течение всех этих событий на стойкую поддержку на Западе Украины, народную в том числе, — тут нет никаких сомнений. При этом — в силу того, что сейчас происходит ожидание проведения референдума и страсти по этому поводу нарастают, — они предпринимают небезуспешную на первых порах попытку консолидировать не только Запад Украины, но и всю оставшуюся страну в борьбе с тем, что называется российской агрессией, российской оккупацией и т. д. То есть это не первый в истории случай консолидации перед лицом внешнего врага.

Люди, которые в Киеве в течение многих лет выступали с близких нам позиций и говорили о ценности российско-украинских отношений, говорили о необходимости, скажем, в межнациональном разрезе учесть феномен русских и русскоязычных на Украине, сегодня покинули Киев или покидают в настоящий момент. Это происходит, может быть, не в таких ярких красках, как описано в булгаковской «Белой гвардии», но напоминает примерно такие же события. Я могу перечислить, кто из журналистов, блоггеров, политологов, наших с вами коллег покинул Киев и в настоящее время находится или в Европе, или в России. Это, например, Евгений Копатько, руководитель компании «Research&Branding», одной из пяти существовавших на Украине социологических сетей, проводивших социологические исследования, которые мы часто цитировали. Компания закрыта, распущена, сам он вне Украины.

Газета «Две тысячи» — единственная достойная чтения, если говорить о русскоязычной прессе, которая занимала откровенно (не хочу назвать ее пророссийской) просточную точку зрения, прорусскую, прорусскоязычную, — на этой неделе прекратила свое издание. Я не говорю о наших средствах массовой информации, которые в данной ситуации считаются масс-медиа врага. Под раздачу попал «Коммерсантъ», который с сегодняшнего дня перестал выходить на Украине, и многие другие. Если говорить о конкретных людях, то издатель «Киевского телеграфа» Скачко находится в подполье, Олеся Кузина, которая часто у нас на телевидении выступала, находится в России, как и Чаленко, известный, наверное, многим, и целый ряд других. Это как бы социальный срез для характеристики общей картины.

Благодаря тому, что мы вынуждены были (у нас просто не было другого выхода) поддержать Севастополь, а затем и Крым, власть Украины небезуспешно реализует в быстром темпе те задачи, которые она перед собой поставила. Принят законопроект о Национальной гвардии — все боевики Яроша и иже с ними легализованы. В эти дни, когда начались стихийные протесты, которые привели ко всякого рода событиям в Харькове, Донецке, Луганске, Одессе и т. д., скажем, картины призывов к отречению губернатора в Луганске, — сейчас это все сменяется на местах реакцией, демонстрацией лояльности украинскому государству, и в это вовлекаются не только те, кого мы привыкли считать «западниками», эмиссарами Майдана, но и сбитые с толку или поддавшиеся этой пропаганде, или перешедшие на сторону нынешней власти в надежде на самосохранение представители политической элиты Юга и Востока Украины.

Все это является неизбежным, и если бы Украине на самом деле суждено было в этой своей нынешней форме беспроblemно утвердиться на долгий период, то реальным следствием этого явились бы яркая реализация антирусского, антироссийского проекта и превращение Украины в нечто похожее на Грузию времен Саакашвили. Но хочу заметить, что так же, как и с Грузией Саакашвили, этот проект не может быть вечным и даже долгосрочным. Безусловно, он имеет свои последствия: если сегодня вы поинтересуетесь точкой зрения людей в Грузии и будете объективны, то скажете, что да, пожалуй, большинство людей в Грузии теперь настороженно относится к России, это уже проникло не просто в органы государственного управле-

ния — это широко распространенное настроение людей. После всего произошедшего в российско-грузинских взаимоотношениях назвать их безоблачными на уровне представителей народа, гражданского общества никак нельзя. Есть, конечно, и та часть населения — может быть треть, — которая продолжает вздыхать о прошлом русско-грузинских отношений, но большинство уже мыслит другими категориями.

В нечто похожее попытаются превратить изнутри Украину в результате реализации тех планов, которые есть как в Киеве, так и в Москве и в Симфе-

рополе. Но ситуация много серьезнее, поскольку Украина стоит перед перспективой экономического коллапса. Я не могу считать себя слишком компетентным экономистом, но мне кажется, что никакие подарки, никакие миллиарды от Амери-

Никакие подарки, никакие миллиарды от Америки, обещанные до 2020 года 15 миллиардов европейских денег не спасут на данном этапе от резкого ухудшения жизненного положения населения, которое наступит и уже наступает на Украине.

ки, обещанные до 2020 года 15 миллиардов европейских денег не спасут на данном этапе от резкого ухудшения жизненного положения населения, которое наступит и уже наступает на Украине. Разрыв тех экономических связей, которые и прежде были предметом обсуждения между Россией и Украиной, естественно, очень серьезно отразится на состоянии людей на Украине, причем в первую очередь как раз восточных и южных регионов. Поэтому все, что сейчас происходит в этой стране, — это лихорадка, которая сменится очень серьезным протестом летом—осенью этого года. Может быть, скорее осенью, чем летом, потому что лето — обычно не время для протестов.

Однако же я предполагаю, что до этого периода все будет происходить в рамках сценария, который уже начал реализовываться. Во-первых, 16 марта произойдет референдум, на котором большинством голосов в городе Севастополе и большинством голосов в Автономной Республике Крым люди ответят «да» на первый вопрос. Я сейчас не хотел бы детализировать, углубляться, говорить о том, что все, конечно, в создавшейся ситуации действуют, как в партитуре — «быстро, быстро, еще быстрее, как можно только быстрее», поэтому совершают какие-то ошибки. Станным образом задан первый вопрос, еще более странным образом задан второй вопрос; но по большому счету понятно, о чем идет речь, и люди на это отреагируют.

В создавшейся ситуации после декларации, которую сделала Автономная Республика Крым, у России есть два пути, и России уже советуют пойти по первому из них. Это путь признания независимости Республики Крым или, по крайней мере, период независимого существования Автономной Республики Крым без ее включения в состав Российской Федерации. Такая воз-

возможность теперь возникает, поскольку Крым объявил, что после проведения референдума становится самостоятельным независимым государством и уже в этом качестве обращается к России с просьбой о вхождении. Такое обращение, безусловно, последует, но из-за давления, которое оказывается на Россию изнутри и извне, я не исключаю, что кто-либо в Кремле, и прежде всего сам президент, сочтет, что такой период необходим. Я считаю, что в создавшейся ситуации это было бы неправильно, исходя из того, что большинство населения Крыма и Севастополя, безусловно, ждет не независимости, а вступления в Россию и видит в этом гарантию. И с этой точки зрения второй вариант — вхождение в Россию — становится неизбежным сейчас или в некоторой ближайшей перспективе. В этом смысле решение парламента Крыма снимает процедурную нагрузку — не требуется принятие закона, который предложила «Справедливая Россия», крайне сомнительного с точки зрения правовой основы. Будет задействована другая процедура, но это игры юристов.

Всего изложенного Украина не признает. Вряд ли будет какая-нибудь военная операция: я не думаю, что эта страна в состоянии ее провести. Безусловно, будут провокации самого разного рода, будут задействованы различные внутренние факторы в Крыму — к этому Украина тоже уже приступила. Полагаю, именно в этом причина, по которой президент счел возможным пойти на получивший широкую известность телефонный разговор с Мустафой Джамилевым.

Мне уже приходилось несколько раз объяснять, что те журналисты, которые решили цитировать Путина со слов Джамилева, — слишком доверчивые люди. Очевидно, что слова Путина были вырваны из контекста, когда он говорил о том, что Украина, самоопределяясь, как и все другие союзные республики бывшего СССР, нарушила все существовавшие на тот момент законы, в частности закон «О выходе союзной республики из состава Союза ССР». Россия тоже его нарушила. Поэтому сейчас идут разглагольствования о том, что крымский референдум нелегитимен, потому что в Конституции Украины записано, что референдумы по вопросам территориальной целостности могут проводить только на Украине в целом, — ну понятно, почему это написано, у нас это тоже написано. Но ситуация совершенно экстраординарная, действительно революционная, и в данный момент ссылаться на эти закорючки — бессмысленное дело.

Хочу отметить, на Украине существует право проведения референдума, в Крыму — право проведения референдума и право проведения опроса, но за все время существования Украины никто не смог и не захотел провести закон о референдуме через Верховную Раду Украины и Верховный Совет Крыма. Верховный Совет Крыма вообще не имел права по Конституции 1998 года утверждать какие-либо законы — это представительный орган.

Что касается протестов на Юге и Востоке Украины, то в определенной степени люди, которые там протестовали против наступивших порядков в Киеве, оказались заложниками ситуации с Крымом и развития ситуации на Украине. Сегодня Крым рассматривается Российской Федерацией как, по сути, решенный вопрос. Совершенно очевидно, что Российская Федерация не будет реализовывать полученные президентом полномочия использования вооруженных сил на территории Украины. С самого начала решение об

использовании вооруженных сил за рубежом рассматривалось как козырь, предупредительный выстрел, с помощью которого следовало принудить украинскую сторону к какой-либо реакции и попыткам серьезного политического диалога.

Но вы знаете, что власти в Киеве недоговороспособны: они, опираясь на советы своих друзей, особенно в Америке, действуют напролом и не демонстрируют абсолютно никакого желания к компромиссам. Единственное, что я смог найти за это время, — это приостановка подписания Турчиновым запрета на закон о гарантиях для русского и других языков русскоязычных и иноязычных регионов. Но тут же была создана комиссия по разработке нового закона, в которой принимают участие Ирина Фарион, Владимир Яворивский и прочие люди, которые друзьями никакого языка, кроме украинского, не являются и не могут быть. Поэтому Киев не дал никаких сигналов для Крыма в момент между первым решением о референдуме и последним, 6 марта.

Власти на Украине — в этом, если хотите, бездарность этой политической элиты и ее зависимость — даже не выработали никакого *modus operandi* в отношении тех, кто с нею не согласен. Конечно, подавить и похватать народных губернаторов в Донецке, Луганске они могут, а вот заставить этих людей на долгую перспективу любить украинское государство и считать себя патриотами Украины они пытаются только с помощью мифа о российской военной угрозе. Думаю, что с течением времени и под влиянием экономических трудностей он будет разваливаться и рассыпаться.

Но мы должны особое внимание обратить на Восток Украины, потому что наша поддержка, хотя бы моральная, материальная — какая угодно, необходима прежде всего тем людям, которые вышли после известных решений на улицы и не относятся к той самой продажной части политической элиты Партии регионов, которая предала, струсилась, перекрасилась. Главная наша ошибка на протяжении всех лет до самого последнего момента заключается в том, что мы так и не вышли на прямой контакт с народными низами на Востоке и Юге Украины. Наша власть, как всякая власть, предпочитала общение «на верхнем этаже», и очень тяжело было ее переубедить: все эти годы я, например, пытался это сделать, но так до конца и не смог. Нужно создавать механизмы, чтобы выходить на прямой контакт, поощрять информационную деятельность на этом направлении. Но все были заняты своим, все считали, что достаточно с помощью «неотразимых аргументов» переубедить Виктора Януковича, и вопрос может быть решен. Мы видим это легкомыслие, эту бездарную кадровую политику — на Украину направляют проштрафившегося бывшего министра здравоохранения, который в течение нескольких лет непонятно что там делает. Из этого должен быть извлечен какой-то урок.

Юрий Болдырев. Судьба Украины как государственного образования, не побоюсь этого здесь сказать, меня не интересует. Здесь наверняка есть украинцы. Люблю, ценю, уважаю язык, культуру, поэзию — нет вопросов, но государственность должна заслужить уважение, это совсем другое.

Что такое Украинская ССР в составе Советского Союза, я хорошо понимаю. Это некоторое образование, абсолютно логичное в рамках той систе-

мы разделения труда, той системы управления государством, обеспечения жизни народов и т. д. Что такое Украина, возникшая случайным образом почти четверть века назад, — это отдельный интересный вопрос. И это я не сейчас говорю, когда я как бы хочу защитить нашу позицию по Крыму. До переворота, когда события назревали, я участвовал в одной из передач на интернет-телеканале «Красная линия»; когда представители власти, многих общественных сил говорили, что главное, конечно, территориальная целостность Украины, а я спрашивал: «С чего вдруг?»

Да, мы являемся гарантами по соглашению 1994 года в том смысле, что если чья-то несправедливая рука потянется к Украине, то мы вместе с американцами и англичанами должны по этой руке ударить. Но это не значит, что наша задача во что бы то ни стало обеспечить территориальную целостность Украины. Такой задачи перед нами нет, наша задача — жизнь народа, развитие его. Что такое государственность, и как она оценивается? Она оценивается по своей способности обеспечить безопасность народа и создать условия для его развития. В этом смысле, я думаю, все и без моих комментариев могут оценить результаты государственности Украины в таком масштабе, в каком она была.

Государственность включает в себя систему институтов плюс территориальную архитектуру. Я противник утверждения, что события в Крыму демонстрируют нам типичный конфликт между правом нации на самоопределение и принципом нерушимости границ. Принцип нерушимости границ господствует только тогда, когда государство эффективно обеспечивает безопасность, развитие и т. д. Только в этом случае никто не подвергает его сомнению. Когда же государственность рушится...

Я здесь, наверное, единственный депутат Первого народного съезда Советского Союза — 5 мая как раз будет четверть века этому съезду. Я был участником и свидетелем этих трагических событий и помню, как после путча 1991 года стремительно рушилась государственность нашего СССР. Как украинцы не прислали свою делегацию на Съезд народных депутатов СССР. Как был реформатирован, уже не в соответствии с Конституцией, Съезд и Верховный Совет СССР. Если бы Верховный Совет и Съезд СССР сохранились, если бы Горбачев не сложил полномочия, то можно было бы спорить о праве республик дальше уже не юридически, а фактически отделиться. Но если государственность была разрушена, то о чем еще говорить?

Переходим на Украину: если бы Россия организовала там переворот или революцию — что хотите, а Запад противостоял бы этому, то уместно было бы говорить, что Россия спровоцировала разрушение украинской государственности, а теперь хочет оттяпать кусочек. Но ведь дело-то было совершенно противоположное. При всей моей оппозиционности к нашей власти по социально-экономическим вопросам и внутренней политике не могу не признать, что она до последнего боролась за сохранение государственности Украины, то есть именно за то, что связывало ей руки по соглашению 1994 года. Но когда произошла якобы революция...

Здесь тоже надо сделать оговорку: не было такого, что революционные массы смели власть, не способную защитить Конституцию и саму себя, было совершенно другое: уполномоченные переговорщики Запада пришли, стали гарантами некоторых договоренностей между властью и оппозицией,

тем самым связали руки власти в силовом решении вопроса и затем, под прикрытием этих соглашений, дали возможность «революционерам» смести власть. Конечно, такую комбинацию тоже могут назвать революцией, но это не совсем революция. Я бы сказал, что это нечто среднее между революцией и внешней агрессией.

И вот как с учетом этих событий рассматривать обязанности России по соглашению 1994 года, гарантом чего вообще является Россия? Россия выступала против действий Запада по очевидному и однозначному вмешательству в украинскую государственность — это все зафиксировано и легко доказуемо. К сожалению, в головах наших граждан зачастую много путаницы, потому что пропаганда работает, смешивая разные вопросы: юридические и фактические, справедливость и права. Давайте их разделим и рассмотрим порознь.

По справедливости — что, у кого-нибудь есть сомнения, что Крым должен быть российским? Ни у кого не должно быть в этом сомнений, вся история, вся подноготная, включая то, как Хрущев это делал, и то, что Крым передавался Украинской ССР, а не отдельному государству Украина — это всем известно. По справедливости — никто спорить не будет, поэтому все говорят «закон», «право», «соглашение» — и поэтому почти четверть века, при всем своем скептическом отношении к украинской государственности, но, подчеркиваю, уважительном отношении к русским, украинцам, татарам, живущим на украинской территории, я никогда не выступал за то, чтобы нам идти воевать за Крым или тем или иным способом его аннексировать.

Потому что Россия должна быть государством, держащим свое слово. Взял на себя обязательство — умри, но держи. Держи до тех пор, пока есть субъект, в отношении которого принято на себя обязательство. Еще раз: этот субъект разрушили не мы, не мы были провокаторами, но коль скоро он разрушен, важно, чтобы все понимали: в этой ситуации вступают в действие все аргументы, касающиеся справедливости. Тогда у России руки не связаны ничем, кроме вопроса уже совершенно другого: а силы-то у нас есть?

Я хочу обратить внимание, что вопрос чрезвычайно сложный. Меня, конечно, больше интересует политическая ситуация в России. Картина такая: вот партия власти, которая, я уверен, не разбежится, как Партия регионов, все фракции однозначно поддерживают российскую позицию по данному вопросу, что дает основание либеральной оппозиции говорить: «Мы же говорили, они там все подставные, карманные, а вот мы — настоящая оппозиция». Я представляю другую оппозицию, я вместе с генералом Ивашовым был одним из соучредителей постоянно действующего совещания Союза патриотических сил, и мне казалось очень важным, чтобы мы приняли ясное однозначное заявление, что в этом вопросе, где на кону стратегические интересы России, мы, несистемная оппозиция, безусловно поддерживаем действия нашей власти.

Парадокс, но я не нашел понимания у большинства: они сказали, что степень их недоверия к действующему олигархическому режиму такова, что даже в такой ситуации они не могут однозначно заявить о его поддержке. В этом нет трагедии — это совещание, а не некая единая партия; я просто хочу сказать, насколько сложен вопрос в той части, какая разница — деградировать нам и самоуничтожаться в одиночку или вместе с Крымом и, может быть, еще Юго-Востоком Украины.

В преддверии референдума я клоню не к тому, чтобы не голосовали, а к тому, что мы сами внутри России не хуже понимаем наши проблемы, но жители Крыма и Юго-Востока Украины должны трезво понимать, что это не отдельная проблема олигархической России, это наши общие исторические проблемы. Нет такого, что в России азиатчины больше, чем на Украине. Мы одно и то же, я надеюсь, что мы вместе будем решать эти проблемы — вместе с Крымом и, может быть, еще Юго-Востоком Украины — как сложится.

В преддверии референдума считаю важным заявить, что я как представитель национально ориентированных политических сил не могу выступать за весь наш «круглый стол», но знаю, что мою позицию многие поддержат, как минимум половина. Мы однозначно в этом историческом вопросе поддерживаем позицию и жителей Крыма, и тех представителей Юго-Востока Украины, которые хотели бы воссоединиться с Россией, и, соответственно, действия нашей власти. Мы бы хотели, чтобы наша власть здесь действовала последовательно, решительно и бесстрашно, и чтобы под угрозами самых разнообразных санкций извне наша власть твердо знала, что в этом вопросе при последовательном отстаивании своих интересов она может опираться на свой народ, на широкие его слои.

В этом смысле если какой-нибудь Савик Шустер говорит, что Путин — Адольф Гитлер, то я как человек, который требовал таких действий еще до того, как они начались, до того, как Путин озвучил свою позицию, понимаю, что Савик Шустер нас — таких, как я, — называет «гитлерами». Хотел бы подчеркнуть: мы не являемся великими русскими шовинистами, я абсолютно готов признавать «нашими» и русских, и белорусов, и украинцев — всех тех, кто готов с нами воссоединиться. И позиция русских всегда в этом вопросе была однозначной; но если кто-то выстраивается в ударную силу против нас, мы со своей односторонней любовью приставать не будем. Мы готовы воссоединяться со всеми, кто готов воссоединяться с нами, — но вынуждены будем жестко отвечать всем тем, кто против нас.

И последнее, в преддверии референдума я надеюсь, что наша нация будет единой, но вопрос даже такого исторического масштаба не даст индульгенции на продолжение прежней преступной социально-экономической политики. Вот тут М. Г. Делягин написал статью «Да здравствуют санкции» — к сожалению, не будет санкций в таком виде, потому что Запад понимает, что, если санкции будут жесткими, Россия будет вынуждена начать развиваться — а это не в интересах Запада.

Мы должны создавать внутренние механизмы, требующие саморазвития, независимо от того, предъявит нам Запад жесткие санкции или не предъявит, — это наша следующая задача после 16 марта.

Семен Уралов. Мне за время кризиса удалось побывать на Востоке Украины, на Юге, на Западе — во Львове, Ивано-Франковске, и я поделюсь сообщениями практического характера.

Прежде всего, это кризис для Украины не новый. Если мы вспомним время правления всех президентов, то увидим: президент Кравчук ушел в ходе досрочных выборов, к которым привели в том числе и бунты шахтеров; президентство Леонида Кучмы привело к первому Майдану 2004 года, Ющенко не «досидел» первого своего срока. Все эти кризисы цикличны, они совпада-

ют с электоральными циклами президентства. Украинский сценарий 2014 года планировался под президентские выборы 2015 года, но в силу социально-экономических обстоятельств начал осуществляться раньше.

Второй тезис: модель государственности Украины можно сформулировать как «анти-Россия». Если мы сравним две модели — белорусскую и украинскую, то белорусскую модель можно назвать «другой Россией».

Мне не нравится название «бандеровцы». «Бандеровцы» были во времена Бандеры. Сейчас на улицах поколение национальной Украины — это люди 20—25 лет, те, кто вырос на новых учебниках. Этих людей можно назвать «продуктом эпохи» — их именно такими вполне сознательно воспитывали. Это их искренние, глубокие убеждения — мы должны это понимать. Причем среди них очень много русскоязычных людей. Вспомним, кто первым погиб на Майдане: армянин из Днепропетровска и гражданин Белоруссии. Так что «бандеровцы» — это нормальный, неизбежный «продукт» национального государства Украина.

Третий тезис. Обратите внимание, что именно первым делом стали разрушать евроматежки — памятники Ленину. Причина в том, что на Украине происходит демонтаж государства союзного советского типа: другой государственности там никогда не было. Вся новая государственность свелась к тому, что переименовали Верховный Совет в Верховную Раду и ввели языковой закон. И представляется вполне логичным, что, сломав просоветскую систему, Украина откатилась в 1918—1919 годы. Открываем «Белую гвардию» М. Булгакова и видим те же банды на улицах Киева. Все вернулось в исходное состояние.

Четвертый тезис. Будущее. Украина во своей природе должна была стать федерацией, как и Россия; но в силу того, что не было федерализации, вместо нее началась феодализация. Посмотрите на ключевые назначения. Если отбросить всю мишуру Евромайдана, то по факту мы видим конкуренцию двух кланов: днепропетровских и донецких. К этой конкуренции сводится почти вся история новой Украины. При этом днепропетровские имеют исторический фундамент в виде мощного еще союзного клана — стоит вспомнить Леонида Ильича Брежнева и всех «птенцов» его гнезда.

В результате, когда донецкие сосредоточили максимум полномочий в лице Януковича и близких к нему олигархов, их скинули днепропетровские, весьма эффективно воспользовавшись моментом. В результате области Украины отданы на «кормление» олигархам. В Днепропетровске господин Коломойский — это группа «Приват». В Одессе господин Немировский — это заводы «Стальканат» и криворожские заводы. В Донецке — господин Тарута на пару с господином Ахметовым... Фактически это феодализация. «Бандеровцы», нацисты, просто вооруженные молодчики нужны олигархам для наведения порядка в нелояльных регионах. При этом важно понимать, что украинская олигархия кровно заинтересована в банкротстве и дефолте своей страны. В ходе банкротства Украины они по дешевке скупают активы, которые там еще остались.

Позволю себе напомнить планы премьер-министра нынешней Украины господина Яценюка. Это приватизация электроэнергетики (скорее всего украинские АЭС достанутся «Вестингаузу» — американской компании, которая уже давно проводит на них эксперименты по использованию несер-

тифицированного топлива), портов — как морских, так и речных, которые сейчас передают в аренду по очень хамской схеме — по отдельным причалам (а порт состоит из нескольких десятков причалов). Это как приватизировать границу по метрам. Наконец, будет приватизироваться плодороднейшая земля сельхозназначения.

Приватизация, то есть разграбление Украины, — это системный проект украинской независимости, который днепропетровские должны лишь завершить. В самом деле: первый президент «распилил» Черноморское морское пароходство — это был главный проект того периода украинской государственности, а пароходство было самым крупным в мире. Второй президент занимался металлургией, химической промышленностью и т. д. Президент Ющенко связан с делом «Криворожстали» и ряда других объектов. Четвертый президент, Янукович, кардинально расширил этот процесс, и днепропетровская группировка сейчас готовится его закончить. Все в принципе реализуемые сценарии катастрофичны, и это связано с тем, что банкротство республики полностью соответствует интересам всех нынешних «актеров»: и внешних, и внутренних управляющих, и «молочников».

Единственная не заинтересованная в банкротстве страны группа — неоязыльное население Юго-Востока, но тут не надо испытывать иллюзий. По последним социологическим данным, большинство, порядка 50 процентов, не понимает, что происходит, и напугано хаосом. Эти люди не хотят, чтобы разрушались памятники, но у них нет «пророссийской» позиции, они во многом просто напуганы. Появился новый термин «рашисты» — фашисты из России. И есть два активных меньшинства. Если говорить про Одессу, от 16 до 18 процентов — это люди, которые имеют активную жизненную позицию и хотят референдума, федерализации, союзных форм с Россией, не желая подписания соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Однако это меньшинство. Поскольку это меньшинство в каждом регионе разрознено, его можно подавить — причем сценарий может быть разный: как катастрофичный, с «зачисткой», так и «мягкий».

Вспомним историю Молдавии. Был жесткий сценарий, связанный с Приднестровьем; но после того, как на нем обожглись, как сейчас уже обожглись с Киевом, пошла тотальная, но мягкая, ползучая румынизация. Сначала язык перевели с кириллицы на латиницу, потом прошла «зачистка» школ, «зачистка» информационного пространства — и в итоге за 20 лет «зачистили» все пространство.

Украинская катастрофа не имеет решения без внятной позиции России, Белоруссии, Казахстана. Если власти Украины организуют блокаду Крыма, то надо понимать: сообщение через Краснодарский край — это катастрофа, ведь там не будет ни железнодорожного, ни автомобильного сообщения. Энергия и вода поставляются в Крым с Украины. Поэтому автономизация Крыма все равно не решает проблемы региона.

Петр Александров-Деркаченко. Мне очень понравился тезис о том, что Украина сейчас платит по долгам, которые она надела за последние 23 года своей государственности. И именно за долги — в таком аллегорическом понимании — Украина лишилась Крыма.

Украина, обретя независимость в 1991 году, по сути дела, воспользовалась доброй волей России и приняла на себя негласное обещание, а можно сказать — ответственность, за развитие и процветание Крыма. Что же произошло дальше? Из всесоюзной здравницы, процветающего края Крым превратился в европейский курорт? Или же уровень жизни крымчан был поднят до уровня жизни европейцев? Случилось обратное — Крым был лишен того, что имел прежде. Его развитие было приостановлено, уровень жизни на полуострове устремился вниз вслед за падением уровня жизни на Украине.

И то же самое произошло с правами и свободами крымчан. Вместо того чтобы обрести дополнительные права и свободы, получить новые возможности для самореализации, крымчане были искусственно лишены и того, что имели до бегства Украины из СССР, — права человека на родной язык, на свободу информации, на свободу передвижения. Если вдуматься, в Крыму до последнего времени родной язык (я не беру период, когда действовал закон о региональных языках) не считался официальным. Там не было возможности без дециметровых каналов свободно ловить российское телевидение, были ограничения на обучение — и все это прямо противоречит Европейской Хартии свободы.

Крымский феномен самоопределения сегодня стало модным сравнивать то с одним прецедентом, то с другим. Аналогии приводятся самые разные (по географии) и в большинстве случаев — нелепые (вплоть до оскорбительных для русского Крыма сравнений с немецкими Судетами). Но вот один прецедент кажется мне более чем подходящим и символичным. Я имею в виду ситуацию с Южным Тиролем — краем, исторически составляющим Австрию и отторгнутым от нее в 1918 году в пользу Италии решением стран—победительниц в Первой мировой войне. Сегодня Южный Тироль приводится как пример процветающего австрийского анклава в составе Италии, который при этом является самым богатым регионом Италии и который — на этом акцентируется внимание — Австрия не собиралась и не собирается «возвращать» и «защищать».

Абсолютно справедливое замечание и прекрасный пример! Но всегда ли положение дел обстояло именно так?! Южный Тироль был отторгнут в пользу Италии решением Версальского договора. И Австрии как стране, побежденной в войне, было запрещено — именно запрещено — добиваться его возвращения (в этом, кстати говоря, коренное отличие ситуации от ситуации с Крымом, который был передан Россией Украине добровольно). И несмотря на последующие в XX веке события (приход Гитлера к власти в Германии, аншлюс Австрии, Мировая война и пр.), жителям Южного Тироля никак не удавалось вернуться в состав родной Австрии — они насильно удерживались на чужбине. Более того, Бенито Муссолини регулярно проводил попытки ассимиляции населения Южного Тироля, сопровождавшиеся запретом на использование немецкого языка (ничего не напоминает?), переименованием всего и вся на итальянский язык (включая этикетки), запретом на преподавание истории края, запретом на культурную самобытность. В результате такой политики к шестидесятым годам Южный Тироль стал депрессивным регионом Италии, да притом — с организованной практикой терроризма. Несколько тысяч террористических актов за двадцать послевоенных лет — каково?

Только после того, как под влиянием Европейского сообщества Италия предоставила Южному Тиролю политическую автономию, культурную автономию с правом на использование родного языка, экономическую автономию с правом распоряжаться доходами региона — только после того, как все эти права и свободы были предоставлены жителям Южного Тироля, и только спустя какое-то время регион действительно превратился из депрессивно-сепаратистского в стабильно-прогрессивный.

Прекрасный пример, не правда ли?! Пример этот демонстрирует, среди прочего, что последние 23 года Украина двигалась уверенно назад: от прогресса к феодализму. Крым был лишен любой формы автономии. Лишен европейских прав и свобод и доведен Украиной до экономического отчаяния. Украина в XXI веке умудрилась развернуться от общего развития вперед — причем подчеркнуто и демонстративно — и уверенно шагать назад в неслетное и несвободное прошлое.

На мой взгляд, принципиально, что Россия сегодня на Украине защищает не столько какие-то свои интересы, сколько фундаментальные европейские ценности. И позиция нашей страны должна быть четкой и твердой: Россия защищает европейские ценности, к защите которых мы должны также призвать Европейский Союз. Поэтому феномен Крыма, мне кажется, символический и показателен для нас сейчас, и это надо учитывать.

Михаил Делягин. Позволю себе коротко дополнить прозвучавшее здесь несколькими замечаниями, которые мне кажутся существенными, но которые не были сказаны другими участниками нашего «круглого стола».

Несмотря на все изгибы ситуаций и проблемы, в целом положение является исключительно простым: после нацистского государственного переворота, который, похоже, не просто был поддержан Западом, но им был и организован, на Украине не существует государства. Никакой украинской государственности как таковой нет. Да, есть Верховная Рада, — но она начинает свою работу с того, что полностью отрицает Конституцию своего собственного государства. И не случайно: это собрание людей, которые работают под дулом пистолета. Если это дуло приставлено не к их вискам, а к вискам их детей, и не в прямом телевизионном эфире, — это ситуацию не меняет.

Не понимаю, почему многие комментаторы безнаказанно обрушиваются на Россию, что она не выполняет договор 1994 года по Крыму? Ведь, даже если включить в состав российской вооруженной группировки все отряды самообороны, которые состоят из местного населения, и всех «вежливых военных», то Россия и тогда не выбирает лимит в 25 тысяч человек, который позволяет ей договор 1994 года. Более того, этот договор предусматривает, что в случае возникновения угрозы для российских баз российская армия имеет право делать в Крыму практически все что угодно. Разумеется, дипломатические формулировки звучат по-иному; но если их перевести на бытовой язык, их смысл именно таков: Россия имеет право делать все что угодно, кроме разве что применения оружия массового поражения. Так что этот договор мы не нарушаем ни в какой мере, и все, что мы делаем, мы делаем полностью в рамках международного права.

Что ждет Украину — предельно понятно: отсутствие государства — это разваливающаяся инфраструктура и не осуществляющиеся сезонные работы, в частности посевная. И предстоящая зима будет, с моей точки зрения, голодной, потому что целая страна не может прожить с огорода даже на плодородной украинской земле. Меня глубоко потрясает, что Россия продолжает неоплачиваемую поставку газа на Украину, в том числе тем регионам, которые подчиняются еврацистам, да еще и со скидкой. Прошу понять: это может нравиться или не нравиться, но по российским законам и по международному праву это есть тяжчайшее преступление: во-первых, это финансирование нацизма и, во-вторых, это финансирование терроризма. Если какая-то часть Украины заявит, что она не подчиняется еврацистам, засевшим в Киеве, — или, например, что она восстанавливает общеукраинскую государственность, которая сейчас не существует в Киеве, — тогда мы получим право с ними сотрудничать и, в частности, сможем поставлять им газ.

Особняком стоит ситуация с Крымом. Все в связи с ней говорят о политике, — но, коллеги, нужно говорить прежде всего об экономике. Здесь уже говорилось о трудностях водоснабжения и об энергетических проблемах. Есть и проблема украинских беженцев. Они уже бегут в больших количествах; а люди, которые организуют бизнес в регионах, граничащих с Украиной, с конца февраля завалены звонками даже от незнакомых людей, которые умоляют устроить на работу кем угодно. Даже в Москве есть беженцы.

По мере нормализации ситуации вокруг Крыма часть бегущих с Украины поедет именно туда — в силу климата, форсированного развития, привычки. Существенно, что на бывшей Украине Крым — единственное место, где существует физическая безопасность граждан, где не рыскают стаи взбесившихся собак в человеческом облике. Это не преувеличение. Моим знакомым из Сибири, например, пришлось ехать в Винницкую область эвакуировать своих родственников — и это не единичный пример в сегодняшней России. Эти родственники не были коммунистами, они говорили по-украински, они не являлись какими-то деятелями — просто много лет назад главе семьи за действительно существенные заслуги перед небольшим городом, в котором он жил, присвоили звание почетного гражданина этого города.

Сейчас в город приехала группа бандитов, к виску мэра приставили пистолет, он написал заявление, собрал семью и быстро сбежал. Посадили на власть тетюшку с Западной Украины, которая в первые дни правления даже название города выговаривала неправильно. При ней оставили группу бандитов, — и новая власть меланхолично начала по почте рассылку угроз физического уничтожения. Бандиты начали ходить по дворам, избивать людей. Такова ситуация. Промышленности в городе не осталось, трудоспособные люди в основном уехали, город населен в значительной степени пенсионерами — отпора дать некому. Подозреваю, такая ситуация для сегодняшней Украины типична.

Отдельно следует сказать о проблемах Крыма. Когда говорят, что 90 миллиардов рублей в год мы на первых порах должны будем инвестировать в инфраструктурное и социальное развитие Крыма, нужно понимать, что еще придется тратиться на поддержку беженцев и бизнеса, который там встанет

без Украины. Скорее всего этот курортный сезон в Крыму будет провальным. Украинцы не смогут приехать из-за блокады, а главное — у них из-за разрухи просто физически не будет денег. Основная часть наших сограждан тоже скорее всего, по крайней мере в первую половину лета, не поедет, потому что боязно. Значит, нужно организовывать централизованный завоз туристов. В конце концов сотрудникам Федеральной службы безопасности запрещено отдыхать за пределами Российской Федерации — вот пусть в Крым и едут.

Принципиально важно, что нужно навести нормальный понтонный мост через Керченский пролив — конечно, после весенних штормов. Это технически не сложно, но об этом нужно подумать заранее. Весь Крым — это огромная совокупность технически не сложных проблем, но о каждой из них нужно подумать сегодня. В Керчи можно сделать огромный понтонный мост, по которому будут идти машины и в 20 рядов; но сегодня — это один паром, который берет 20 автомобилей и перевозит их с погрузкой-разгрузкой полтора часа. Он может взять на себя 25 автомобилей и ускориться до 1 часа 10 минут. Но, даже когда мы добавим к нему несколько крупных паромов типа «река—море», это все равно будет «бутылочное горлышко».

Здесь было очень скептически сказано про боеспособность нацистов господина Яроша. Коллеги, еврацистов тренировали на Украине с 1990 года, и не только Служба безопасности Украины: они тренировались в Польше, Прибалтике, Боснии и Герцеговине. И совсем не плохо их учили. Как следует из их интервью, они готовились свергать Януковича летом, и в феврале у них был фальстарт. Они поедут в карательные экспедиции на Юг и Восток Украины, но нет никакой гарантии, что они не поедут в карательные экспедиции в Москву. Нужно понимать, что мы сейчас живем в условиях реальной террористической опасности. Это обученные террористы, они себя в Чечне показали и они могут себя показать в других местах. Здесь говорилось, что не будет большой войны. Коллеги, современные войны — это конфликты малой интенсивности, это диверсионно-разведывательные операции и бандитизм — готовиться надо именно к этому.

Меня потрясает шизофрения, которая охватила либеральную тусовку в Москве. Устраивают антивоенные шествия в отсутствие малейшей реальной опасности нашей агрессии, но в условиях реальной угрозы агрессии против нас. Тут же истошно орут о войне, которая, по их мнению, уже идет... Я издаю журнал «Свободная Мысль», мы выпускаем следующий номер по Украине, и я обращаюсь к уважаемому многими аналитику, политологу, профессору, который является частым гостем даже «России-24». И он присылает огромный текст, из которого ясно следует, что война России и Украины, по его мнению, уже идет. Он абсолютно уверен, что Путин напал на Украину, и анализирует возникшую в результате этого реальность. Позволю себе процитировать лишь одну его фразу: «Путин развязал войну против Украины, чтобы стать пожизненным президентом».

Вот эта либеральная шизофрения потрясает. Но она полезна, ибо очень хорошо и понятно показывает лицо Навальных и компании. Она показывает, что либерализм — это современное лицо фашизма. Это не преувеличение: фашизм был услугой крупного бизнеса, сейчас крупный бизнес стал

глобальным, он уже не национален, и место его obsługi, которой раньше был фашизм, занял либерализм. Поэтому либералы, как мы видим в украинском кризисе, смыкаются с нацистами и действуют подобно им.

Насчет террора на Украине: я могу понять террор, который направлен против людей, говорящих по-русски. Но польские журналисты, которые весь Майдан отчаянно агитировали «за революцию и против москалей», сейчас в Киеве вынуждены прятаться, находятся на конспиративных квартирах и шарахаются от каждой тени просто потому, что евронацисты вспомнили, что вообще-то их первый и главный враг — это поляки. И то, что польское государство энергичнейшим образом участвовало в организации этого государственного переворота и вело этих евронацистов к власти, никакой защиты полякам, как во время войны на Волыни, не дает.

Вопросы журналистов

— *Охарактеризуйте в нескольких словах реакцию на украинские события Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана.*

Константин Затулин. В течение довольно длительного периода страны СНГ не высказывались по этому поводу, так как во многих из них существуют сходные проблемы с территориальной целостностью, с характером и самой историей возникновения государственности.

Как президент Назарбаев может однозначно высказываться по вопросам, связанным с Крымом, если существует, как известно, проблема Северного и Восточного Казахстана. Она существует и в правозащитном плане, и с той точки зрения, что Казахстан — может быть, в меньшей степени, чем Украина, — но по большому счету тоже является кандидатом на федерализацию в силу многонационального характера этой республики.

Мне кажется, что российская дипломатия понимает эти обстоятельства и не подталкивает страны СНГ, как и в случае с Абхазией и Южной Осетией, не ставит их перед необходимостью выступать немедленно в поддержку России. Властители стран СНГ оценивают несколько обстоятельств. С одной стороны, это факт дезинтеграции, территориального полураспада Украины, которая, по крайней мере до последнего времени, была членом СНГ. Хотя сегодня было сделано заявление, что Украина собирается из СНГ выходить.

С другой стороны, властители стран СНГ оценивают и тот факт, что если подобная практика столь очевидного, абсолютно беспардонного вмешательства Запада во внутренние дела стран СНГ утвердится, то первыми жертвами такого вмешательства окажутся они. Напомню эпизод из истории Узбекистана. Достаточно долгий период постсоветского времени он голосовал в Организации Объединенных Наций солидарно с Соединенными Штатами столь же часто, как и Израиль. Это были два пионеры по голосованию «в кильватере» США: практически всегда, когда американская делегация голосует за что-либо, точно так же голосует Узбекистан. У его руководства было очень сильное желание доказать, что Узбекистан — самый большой американский друг в Центральной Азии. Однако последовали андижанские события и реакция на них США, после которой произошла корректировка

внешнеполитического курса Узбекистана: он теперь уже не так однозначно воспринимает американскую помощь.

Президент Лукашенко, как вы знаете, 12 марта сделал заявление, которое нельзя назвать развернутой поддержкой российской позиции. Однако он подтвердил, что в связи с активизацией НАТО у границ Белоруссии последняя выполнит все свои союзнические обязательства в рамках договоров с Россией. И что он нуждается в передислокации в Белоруссию авиационного «крыла» из 15 самолетов. Это первое заявление такого рода, подчеркивающее, что Белоруссия рассматривает все происходящее, прежде всего исходя из приоритета российско-белорусских отношений Союзного государства и обязательств по договору о коллективной безопасности СНГ.

Нурсултан Назарбаев, к которому обращались призывы Барака Обамы и других лидеров Запада, действительно хотел бы выступить в посреднической роли. Ведь, повторяю, у Казахстана есть внутренние проблемы, в связи с которыми принимались жесткие меры. Напомню вам об Усть-Каменогорском деле 1998 года — очевидной провокации казахстанских спецслужб, деле так называемого сепаратиста Пугачева, который якобы хотел отторгнуть от Казахстана Усть-Каменогорскую область. Гражданин Казахстана и Российской Федерации, взявший себе псевдоним «Пугачев», — насколько я понимаю — был явным провокатором, но в этой истории осуждения со стороны казахстанского суда удостоился и консул Российской Федерации, которого пытались к этому делу приплести. Это была такая «прививка» против русского движения в Казахстане, которое ставило цели федерализации, выборности глав регионов, необходимости русского языка наряду с казахским. Кстати, периодически в 1990-е годы это Назарбаев обещал, но так и не выполнил.

Поэтому сейчас, понимая всю сложность обстоятельств, российская дипломатия не теребит ближайших соседей по СНГ с просьбами выразить лояльность — хотя могла бы.

— Отношения России и Запада будут напоминать обмен ударами или укусами и щипками? И не разочаруется ли Украина в европейском выборе через некоторое время?

Михаил Делягин. Напомню: Восточная Европа тоже достаточно быстро разочаровалась в европейском выборе, но это никому в Восточной Европе не помогло. При том, что, в отличие от Восточной Европы, никто на Западе не собирается тратить деньги на поддержку Украины: им безразлично, как и каким образом будут умирать очередные туземцы. Украина для Европы — это рынок, пока у людей есть чем платить, и это кладовая ресурсов.

Что касается России и Запада, это будет обмен укусами и щипками.

Юрий Болдырев. Если говорить о «списке Магницкого», то он никак не повлиял на население Российской Федерации в целом, но для конкретных людей, которые в него попали, создал довольно значимые неудобства. Для тех из нас, у кого нет счетов и владений за рубежом, угроза лишения этих счетов и владений абсолютно безразлична. Но часть нашей политической элиты стараются принудить к действию, потому что их интересы пострадают в случае введения таких санкций.

Михаил Делягин. Хотел бы зафиксировать, что именно влияние «пятой колонны» в руководстве России — можно называть их русскими януковичами, можно называть «оффшорной аристократией», как они сами себя называют, — обусловило, на мой взгляд, неоправданную робость реакции России. Ведь понятно, что Россия должна не только обустроить Крым, но и вернуть свои территории.

— *Как вы оцениваете санкции против России?*

Михаил Делягин. Санкции возможны и обратные — со стороны России. Ведь Запад оказывает такое давление, в том числе при помощи либеральной «пятой колонны», что экономическое сотрудничество становится невыгодным для России. Реальные санкции, которые возможны со стороны Запада, — это точечное замораживание счетов людей, причастных к вводу войск, если он действительно был, вплоть до офицеров, чьи фамилии станут известны. Но большинство этих людей не имеет счетов на Западе!

Поэтому санкции неминуемо будут очень фрагментарными. Например, американцы объявили о продаже части стратегического резерва нефти. Якобы в технических целях, и отчасти эта мотивация верна, но отчасти это и демонстрация возможности качнуть рынок нефти. Но если бы они хотели и могли обесценить нефть — они договорились бы с саудитами и устроили нам 1988 год. Ведь Саудовская Аравия может легко нарастить объем добычи нефти, и тогда, при 80, а то и 60 долларах за баррель российской экономике придет конец. Однако они не могут даже этого.

Юрий Болдырев. Следует учесть два фактора. Первое: за весь период после Советского Союза вряд ли кто-то сможет привести мне пример, когда Россия получила бы от Запада какую-то критически важную технологию. Если критически важные технологии мы не получаем и без санкций — то что нам санкции? Они могут только вправить нам мозги. Нам, здесь присутствующим, их вправили давно, — но возможно, кто-то есть наверху, у кого они еще недостаточно вправлены.

Второе: ни малейших правовых оснований для санкций нет, Россия не нарушала нигде и ничего. Дача согласия Советом Федерации на ввод войск не является нарушением чего бы то ни было. Совет Федерации сказал президенту: «Если что — мы тебя поддержим, действуй». А где действия? Если действия не зафиксированы, то ни малейшего основания для санкций нет. Значит, все разговоры об аннексии — совсем полная ерунда. Кстати, открытый вопрос, что считать аннексией. Вот, например, вступление Украины в ассоциацию ЕС — это аннексия Украины Европейским Союзом?

Хотел бы подчеркнуть, что налицо полное отсутствие оснований для введения каких бы то ни было санкций. А односторонние действия Запада по решительному разрушению международного, в том числе и торгового, права дадут нам возможность выбирать, что мы в международном праве, в том числе в торговом, соблюдаем, а что не соблюдаем. Если такие условия возникнут, и наша власть осознает, что нужно развиваться для достижения научно-технологической самодостаточности, санкции будут только благом.

Михаил Делягин. Хотел бы дополнить, что Западу глубоко плевать на свои законы в области международных отношений. История уничтожения Югославии, особенно 1999 года, показывает: Западу абсолютно не важно, как и каким образом нарушать собственные обещания. У них есть интересы, и если этих интересов можно достичь с помощью действующих законов — прекрасно; но если для реализации интересов нужно нарушить эти законы, то никаких проблем и никаких преград здесь нет. Запад — это боксер, который не пользуется во время поединка ножом не потому, что это запрещено правилами, а потому что ему это неудобно по каким-то другим причинам.

И хочу отдельно привести иллюстрацию слабости российской реакции. Коллеги, Соединенные Штаты Америки официально прекратили военное сотрудничество с Российской Федерацией. Мне хотелось бы услышать сообщение российских властей о том, что в соответствии с этим решением США прекращено и существование транспортного пункта НАТО под Ульяновском, а на самом деле — военной базы. Хотелось бы узнать, где это сообщение российских властей? Почему Россия не следует примеру такой великой мировой державы, как Кыргызстан, который убирает американскую базу со своей территории.

— Аналогичная крымской сейчас грядет ситуация в Молдове, в Приднестровье. Как вы считаете, какая-то реакция России на эти события будет?

Константин Затулин. Прежде всего, я хочу сказать, что положение Приднестровья сейчас под угрозой. В силу того, что наши «друзья» на Западе и на Украине остро рассчитывают на какие-то реванши, им надо для самоутверждения демонстрировать своему населению способность достигать каких-либо побед. Сейчас, как вы знаете, ужесточена граница между Приднестровьем и Украиной, там начались повальные проверки и придирки ко всем пересекающим эту границу. Задают вопросы: «Зачем вы собираетесь на Украину?», досматривают.

Не исключаю наличие плана принудить Приднестровье различными способами блокадного типа к какой-либо форме капитуляции. Возможно, нас вынуждают действовать односторонним образом в Приднестровье под угрозой того, что Приднестровье вынуждено будет поднять руки вверх. Само оно, конечно, этого не хочет, но находится в ситуации начавшейся экономической блокады. Последняя связана с различными договоренностями между Молдавией и Европейским Союзом, которые и до этого были анонсированы, а теперь это все будет ужесточено. Вы знаете, что еще в период президентства Смирнова Приднестровье вынуждено было — и мы в России, наша дипломатия это проглотили — перерегистрировать все приднестровские предприятия как участников внешнеэкономических отношений Молдовы. Это двойной налог на приднестровские предприятия и снижение их доходности.

На сегодняшний день самое важное будет происходить на Юге Украины, и в этом плане ключевыми будут Одесса и Одесская область — недаром ей уделяют такое внимание. Власти Украины не доверяют местной милиции, и там действуют внутренние войска из Ровенской области, пытаются спра-

виться со стихийными протестами в Одессе, пытаются настроить Одессу против Приднестровья, как и вообще Украину. России, может быть, придется принимать какие-то решения; среди таких решений я, например, вижу необходимость увеличения российской группы войск в Приднестровье до оговоренного минимума.

Хочу обратить ваше внимание, что все разговоры о нашем вторжении на Украину, и в частности в Крым, как-то проходят мимо того факта, что по договору с Украиной мы имеем право на нахождение 25 тысяч военнослужащих в Крыму. А в штатном варианте до сих пор военнослужащих Черноморского флота в Крыму было 11 тысяч, сейчас, конечно, несколько больше. Но это не 20 и не 25 тысяч, это в пределах 16 тысяч, насколько я могу себе представить. Даже с этой формальной точки зрения мы не превысили квоту. Если бы в самом деле Украина была тем государством, которым она хочет слыть, в таком случае военные возможности Украины в Крыму были бы гораздо выше: 22 тысячи военнослужащих Украины в Крыму против 11 тысяч (на первом этапе) военнослужащих Черноморского флота. Однако в том-то и дело, что военнослужащие Украины не горят желанием во всех случаях следовать командам, и мы являемся этому свидетелями. Поэтому в том, что касается Молдовы, необходимы отрезвляющие шаги. Их надо иметь в виду, потому что ситуация может развиваться.

Я просто еще хотел высказать легкое несогласие с Михаилом Делягиным. Он выступал по поводу Крыма и его жизнеспособности, — я думаю, нам надо посвятить отдельное обсуждение в некоторой перспективе после 16 числа возможностей и потребностей Крыма с экономической и социальной точек зрения. Начнем с того, что курортный сезон не обязательно можно считать провальным. Это как раз линия украинской пропаганды — мол, все, забудьте теперь про курортный сезон. Я читал те листовки, которые пытаются распространять в Крыму. Они адресуются мелкобуржуазным ялтинским кругам и людям, которые сдают там квартиры или имеют гостиницы, и предрекают им конец курортного сезона. Пишут челнокам, которые тоже были в Крыму, — я напомним, что в Крыму при двухмиллионном населении всего 300 тысяч официально занятых, а остальные — это люди свободных профессий, предприниматели, люди, которые живут от своих участков, от сдаваемых квартир, от челночества. Их предупреждают: «Вы теперь не сможете ездить на “седьмой километр” — это рынок рядом с Одессой, потому что путь на Украину отрезан».

Безусловно, нужны программы занятости для Крыма, и я лично присутствовал при переговорах, которые прошли с руководством автономии еще на прошлой неделе — там побывал помощник Президента РФ Белоусов, бывший министр экономики. Речь идет о перенацеливании коллективов наших предприятий на отдых в Крыму. Ведь наши курортники — это такие особенные курортники, которые готовы отдыхать, положив голову на бруствер, во всяком случае в Абхазии это было все эти годы на моих глазах. Вопреки тому, что рассказывает Яценюк, будто в Абхазии все развалено, — с каждым годом число отдыхающих в Абхазии все увеличивается. Не говоря уже о том, что мы готовы ездить туда, куда европейцы ездить не готовы — в какие-нибудь страны Ближнего Востока, одолеваемые революцией. Крым самодостаточен. Он поставляет газ на Украину.

Не буду спорить по поводу переправ, переходов и всего остального: временные сложности, конечно, будут, но Крым не является обузой или камнем на шее у российской экономики. При рациональном использовании Крым способен быть самодостаточным или дотирующим другие регионы.

Михаил Делягин. Дорогие коллеги, поскольку я был неправильно понят, я хотел бы четко зафиксировать: дело не в том, что в Крыму все плохо. Дело в том, что, для того чтобы в Крыму все стало хорошо, необходимы усилия с нашей стороны.

Более того, Крым может стать точкой реформирования России, потому что исправлять все наши недостатки и пороки гораздо легче, если это делать извне, на территории, где пока еще нет наших монополизма и бюрократии. На этом, думаю, можно закончить работу нашего «круглого стола». Спасибо, дорогие коллеги. ◆